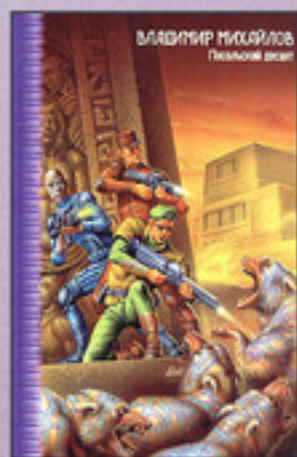

Владимир Михайлов

Приглашение на ночную охоту

*Часть сборника
Посольский десант (сборник)*

Посольский десант

Владимир Михайлов

Приглашение на ночную охоту

«Автор»

1985

Михайлов В. Д.

Приглашение на ночную охоту / В. Д. Михайлов — «Автор»,
1985 — (Посольский десант)

Планета Финеран – бывший центр Империи. По традиции, послов на ней принимают закованными в цепи, как признак подчинения. Уже много веков главный закон Финерана – Кодекс – считается абсолютной истиной. В частности, в Кодекс попало утверждение «экха – миф». Экхи – жестокие хищники, когда-то обитавшие в лесах. Финеране им поклонялись. Их почти полностью уничтожили и объявили, что их вообще нет. Когда они стали появляться и нападать на людей, те не защищались, так как нельзя защищаться от того, чего нет. Признание существования экх – грубейшее нарушение Кодекса. Результат: экхи разбойничают на всей планете, даже в городах, население падает. Послы с Земли вместе с переводчиком финеранином устраивают охоту на экх.

© Михайлов В. Д., 1985

© Автор, 1985

Содержание

Владимир Михайлов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Михайлов

Приглашение на ночную охоту

Когда их начали заковывать в цепи, наверное, можно было еще что-то сделать – убеждать, сопротивляться. Но они не стали и позволили наложить на кисти рук и лодыжки широкие металлические браслеты, неожиданно легкие; цепи при этом издавали гулкий колокольный звон. Церемониймейстер все время суетился вокруг, гримасу его следовало, видимо, полагать улыбкой; он негромко бормотал, путаясь в земных словах от торопливости, выговаривал их с синерианским кашляющим акцентом, так что порой хотелось остановить его и попросить прочистить горло. «Это не страшно воспринимать надо, – бормотал он, – есть быть ритуалу традиций, э, вид, один вид, ничего, только вид, э, спокойность и терпим, очень мало, э, э, крайне. Только спокойность и думать о славном. Славном, э?» Понять его было трудно, чувствовалось лишь, что успокаивает и чуть ли не извиняется. Можно было верить или не верить; они решили поверить. И не стали противиться, упустили время и оказались в оковах.

А теперь было уже поздно, ничего не поделать. Они стояли на длинной телеге, обвитые цепями, словно новогодние елки, один ближе к передку, другой метрах в полутора за ним; над каждым поднималась прикрепленная к телеге примитивная конструкция из бревен, похожая на литеру А, но без перекладины. Сверху, оттуда, где бревна сходились, свисала петля. Конструкция виселиц была иной, чем на Земле, но принцип остался тем же. Очень весело было все это и многообещающе, ничего не скажешь, а теперь не удавалось даже переглянуться, успокоительно кивнуть друг другу, и даже словом нельзя было перекинуться из-за грохота колес с железными шинами и оглушительного завывания оркестра впереди. Одиннадцать лошадей, вернее, существ, что соответствовали тут земным лошадям, запряженных попарно (лишь впереди шла одна, и на ней сидел фореитор), медленно, шагом тянули грохочущую и лязгающую телегу, передвижной эшафот; на телеге, кроме обоих землян, стояли еще и воины с длинными копьями и широкими мечами, чьи клинки напоминали сильно вытянутые ромбы, и другие, в длинных просторных балахонах со множеством складок, в круглых, с обширными полями шляпах – отцы веры, как поняли люди из бормотаний церемониймейстера, если только не перепутали. У этих оружия не было, лишь короткие жезлы, резные, изображавшие два плотно прижатых одно к другому предплечья, две руки, причем одна ладонь была раскрыта и изогнута, как бы готовясь принять нечто, другая же – сжата в кулак, словно для удара в первую. Жезлы в руках отцов веры были простерты вверх. Вслед за телегой, а также по обе стороны ее тоже шли воины, так что оба терранина были надежно отделены от остального мира. Церемониймейстер стоял между ними, опираясь на трость – черную, заканчивавшуюся той же фигурой, какую изображали жезлы, она была из зеленого, глубоко отблескивавшего металла. Старик успел переоблачиться, и вместо современного костюма, в котором он встречал прибывших, на нем был наряд, видимо, исторический, традиционный: короткая, очень широкая накидка или пелерина, а под ней – узкое, до пят, одеяние вроде сутаны, но куда более стесняющее движения. Он по-прежнему выговаривал что-то успокоительное, но за грохотом и воем его не было слышно. Так что единственное оставалось – смотреть на город, на улицы, людей – ну, не людей собственно: на местных жителей, на синериан – и ждать, что будет дальше.

Прилетели они несколько часов назад, когда в этом полушарии Синеры была ночь, и тогда ничто не предвещало такого поворота событий. Встречали по протоколу: Чрезвычайного и Полномочного Посла и Министра Терранской Федерации в Синерианской Империи, Его Приятную Лучезарность Изнова, и сопровождающего его Советника, Его Зеленое Свечение Федо-

рова. Лучезарности и Свечения – это, конечно, возникло уже здесь, такие титулы соответствовали статусу каждого из прибывших; может быть, на местном кашляющем языке, в круге их понятий, это звучало серьезно, терранам же лишь немалый дипломатический опыт позволил удержаться от улыбок при переводе этих определений. Но чего не бывает под чужими звездами... Тогда, ночью, в космовокзале (архитектура его была тяжелой и величественной, натуральный камень вроде мрамора вместо привычных земному глазу ажурных конструкций, легкостью соперничавших с лучшими образцами древней готики, – такая мода пошла в последние десятилетия, а на столетия на Земле давно уже не строили, было это невыгодно) отговорили и откланялись положенным образом, в полном соответствии с протоколом, отсалютовал им почетный караул, включавший панцирных кавалеристов (дань славному прошлому) на тяжелых лошадях с костистыми мордами и двумя незрячими, затянутыми тусклой пленкой глазами над двумя зрячими, большими, печальными; затем – имперских десантников в темно-синих блестящих комбинезонах с откинутыми прозрачными космошлемами, с портативными движками за спиной, с короткой, толстой трубой оружия на груди («Плазмовый скоропал? Можно так?» – церемониймейстер все пытался разобраться в лингвистических проблемах), с ромбическими кинжалами и множеством каких-то приспособлений на поясах; то была уже современность. Десантники не прошли, а промелькнули мгновенным, стелющимся шагом; поравнявшись с прибывшими – разом выбросили правую руку (руку? Руку все же) в сторону, разом выдохнули что-то вроде громкого «Хха!» – и исчезли. Замкнули же шествие люди в складчатых балахонах, с жезлами («Отцы веры, э? Но тут не тесно падает вместе с терранским, на Синере одно понимание есть вера, дух, одномыслие, на Терре разно выговаривают, э?»); когда они проходили, все присутствовавшие синериане как-то сразу подтянулись, замерли недвижно, руки же сложили, изображая ту самую фигуру, что на жезле. Словно бы не их приветствовали, а они. Наверное, так тут полагалось.

Потом посла и советника усадили в экипаж – длинный, приземистый, без колес, с мягкими глубокими креслами внутри; церемониймейстер сел с ними, остальные разместились в других таких же и поменьше. Мотор включился почти бесшумно, вереница тронулась, скользя невысоко над дорогой. Изнов успел заметить, что и открытая машина с десанниками была в кортеже.

– Подушка? – спросил негромко Федоров и тут же сам себе ответил: – Нет, скорее антигравы.

Головная машина время от времени испускала пронзительный звон – надо полагать, это соответствовало земной сирене.

Город увидеть тогда почти не удалось, улицы были широки, но освещены скупо, местами просто темны. Ярко светились лишь надписи на стенах, да еще та самая фигура – две руки – во множестве. Изнов и Федоров успели пройти лишь сокращенный курс синерианского языка, да и учебников не было, так что в здешней письменности они разбирались не очень уверенно, порой путая знак-слово со знаком-фразой и просто с буквенными знаками, и потому смысл быстро пронесившихся мимо надписей остался сокрытым.

Правда, и ехали они недолго. Их привезли в отведенную им резиденцию, внутрь с ними вошел один лишь церемониймейстер.

– Прислуга кукловая, э? – объяснил он.

– Роботы?

– Э, э, номинально. Мы притворяем их терранами. Удаленно?

– Да, довольно удачно, – согласился Изнов из вежливости. Федоров кашлянул, чтобы не засмеяться, он веселым был по натуре. «Ты осторожно, – сказал ему вполголоса Изнов не по-террански, а по-русски, – кашлянешь, а на их языке это может оказаться чем-то непристойным. Кашлять будем без свидетелей».

– Понятно, – ответил Федоров, – а чихать можно?

– Лучше воздержись, – посоветовал Изнов.

– Воздержусь, – пообещал Федоров.

Церемониймейстер смотрел на них почтительно, не моргая.

Резиденция оказалась донельзя престижной, не дом, а дворец, хотя и не чрезмерно большой. Осмотреться как следует они так и не успели, глаза закрывались сами, спать хотелось, но все же оценили мебель: на ней (после постмодерна Федерации Гра, где оба они представляли родную державу последние три года) приятно отдыхали взгляд и тело. Посольство (объяснил церемониймейстер) имеет положение другим местом, здесь – житность. Терране стали уже привыкать к его языку, облику, движениям – ничего другого в течение, вероятно, достаточно долгого времени им видеть и слышать не придется.

– Возное доводится, – сказал еще церемониймейстер о багаже, напрягая все свои старческие силы, чтобы объясняться непринужденно и изящно.

– А когда можно будет начать переговоры? – поинтересовался Изнов.

– После возврата светила. Ожидалось вашего значительно раннего прилета, э. Но это... копай, копай. – Изнов кивнул. Граанский лайнер, на котором они с Федоровым летели (Терранская Федерация только еще собиралась освоить эту часть Галактики) при выходе в свое пространство попал в рой чего-то и долго шел короткими галсами, теряя время.

– Значит, дела начнутся с утра. Хорошо.

– Да, да, – подтвердил старик. – Но перед тем, как варить, хотельно осветить некоторые процедуры своего образа, э?

– Чтобы я что-нибудь понял... – пробормотал Федоров по-русски.

– Он хочет предварительно объяснить некоторые своеобразности, – растолковал Изнов, обладавший филологическим мышлением, и вежливо ответил старику:

– Бесконечно вам благодарен за заботу и предупредительность, но не хотелось бы злоупотреблять вашим временем, столь ценным.

Он видел, что церемониймейстера шатает. Тот слушал чрезвычайно внимательно, его нижняя губа – синерианская, треугольная, перекрывававшая верхнюю и кончиком касавшаяся похожего на пяточок носа, шевелилась от усердия: видимо, старик пытался запомнить обороты речи.

– В таком происшествии я сгибаюсь. Вот все напутствия, переложенные на терранский, как пользоваться удобства. Большая простота. Вослед выражаюсь надеждой ново видеть ваши спины.

И он спустился по лестнице, где робот-швейцар в мундире, напоминавшем о кровопролитных войнах двадцатого века, с громадными звездами в разных местах, отворил перед стариком дверь, пропустил и запер; Изнов успел заметить, что машин снаружи поубавилось, но десантники ждали. «С антуражем роботов, – подумал он, глядя на швейцара, – хозяева поднапутали. Верно, о Земле они знали не больно-то много. Да и на Земле о Синере – не больше, как и обо всем этом галактическом регионе; отношения только начинались, и еще не совсем понятно было – как их строить...» Посол и советник поужинали тем, что было с собой (пользоваться местной пищей они пока не решились, да и инструкции «по-террански» еще нуждались в расшифровке), и легли спать в двух соседних спальнях, надеясь, что утро окажется мудренее.

А с утра явился тот же церемониймейстер, а с ним – воины с мечами, и люди с оковами и инструментами, и еще один, о котором старик сказал, что это «вешальщик и отрубщик» – палач, как поняли терранские дипломаты. Все спешили. «Император сделал переворот», – попытался объяснить старик. Видимо, не о государственной катастрофе хотел он сообщить, но просто о переменах в повестке дня, из-за которых прием послов был перенесен на более ранний час. Их стали заковывать в цепи, и тогда обоим пришло в голову, что переворот есть переворот, и связан, может быть, с изменением намерений власти в отношении Терранской Федерации. Наверное, можно было еще как-то воспротивиться, но они не стали.

И вот – гремящая, спотыкающаяся на (редких, правда) выбоинах телега, и возникшая из неизвестно какой древности стража с мечами и плюмажами на цилиндрических шлемах, и лошади зачем-то в кольчужных чепраках. И еще – позади телеги, в окружении множества копейщиков – толпа, тоже в цепях: несколько десятков синериан, наряженных в какие-то подобию земных одежд, сшитых кое-как и перепутанных безбожно: спортивные тренировочные брюки – к фракку, женское длинное платье с подолом, кое-как распиханным по голенищам высоких, чуть не до паха, ботфортов, военно-морской сюртук с эполетами – и пестрые курортные шорты. И еще, и еще всякого... Видимо, толпу эту полагалось считать терранами. Посол Изнов лишь пожал плечами, смешливый Федоров на сей раз не сдержал улыбки. Но тут же посерьезнел, подумав, что ведет все это, может быть, к совсем не веселому концу.

Сейчас только и оставалось, что смотреть на улицу. Везли их, надо думать, по главной городской магистрали. Широкая, она была застроена – домами, надо полагать, но без окон, на улицу выходили глухие стены высотой, по земным меркам, в четыре-пять этажей. Стены были обильно украшены горельефами, изображавшими чаще всего синериан с преувеличенно резкими чертами лица, с выкаченными круглыми глазами, с гипертрофированными мускулами нагих тел – только мужчин, ни одного изображения синерианки. Дома изредка перемежались башнями – высокими, напоминавшими очертаниями старинные керосиновые лампы Земли; башни тоже не имели окон, зато каждая увенчивалась шпилем – все той же фигурой кулака и ладони. При всей ширине своей проспект из-за отсутствия окон и промежутков между домами (и как только в них проникали?) напоминал если не коридор, то глубокую траншею, которая лишь далеко впереди упиралась в нечто высокое и расцветенное зелеными огнями. Надписи же на стенах, горевшие ночью, сейчас были потушены. Сходство с траншеей усиливалось еще и потому, что не было видно ни единого дерева, ни клочка зелени. Вдоль широкой мостовой тянулись тротуары; они были подняты примерно на метр, а кроме того, отгорожены проволоочной, кажется, сеткой – как на иных футбольных стадионах на Земле; сетка, впрочем, была тут и там порвана. По тротуарам люди шли или стояли, глядя на процессию. Изнов не сразу заметил, что и двигались они, и стояли как-то необычно (для земного глаза): группами, человек не менее десятка, и при каждой группе находился один, а то и двое в балахонах, с жезлами. Ни разу не появился одинокий прохожий. Временами между группами происходил как бы обмен: когда идущие проходили мимо стоящих, от группы мог отделиться один или несколько и присоединиться к стоящим, а кто-то из тех – наоборот, примкнуть к идущим и уйти с ними. Можно было бы подумать, что улицу заполняют переодетые солдаты, отвыкшие передвигаться вне строя, если бы люди не шли так нестройно, без всякого порядка, оставаясь просто кучкой, в которой каждый старался пробраться поближе к середине. Но вообще прохожих было немного, город не производил впечатления густонаселенного; так бывает в жаркие летние дни, когда все, кто может, бегут подальше от асфальта. Однако можно ли было тут мерить мерками Земли? Изнов опять пожал плечами: со временем, надо полагать, поймем и это – если оно будет, конечно, время... Прохожие на высоких тротуарах находились почти на одной высоте с терранами, и посол поймал взгляд зеленых немигающих глаз одного из стоявших у сетки синериан, одетого, как и большинство, в тусклый комбинезон, почти неразличимый на фоне стен. Во взгляде было усталое превосходство. «Всерьез они, что ли, все это принимают? – подумал Изнов. – Дураки...» Телегу тряхнуло на выбоине; стоявший рядом палач в цилиндрическом, закрывавшем все лицо, кроме глаз, уборе испуганно ухватился за плечо Изнова и что-то мелко прокашлял: извинялся, как посол скорее угадал, чем понял. Слабо знали язык они с Федоровым, слабо... Изнов все же попробовал издать несколько «кхе-кхе» в нужном ритме и с соблюдением интонации, чтобы выразить формулу прощения. Что-то, наверное, получилось – в глазах палача, тоже зеленых, мелькнуло выражение благодарности.

Подумав о языке, Изнов стал пытаться прочитать что-нибудь из тех надписей, что украшали стены попеременно с богатырями. Телега ехала медленно, и на этот раз удалось разобрать кое-что, тем более что тексты часто повторялись. Сначала повезло прочитать самую частую, трехчленную надпись. Она гласила: «Часть лучше целого. Часть важнее целого. Часть больше целого!» «Может быть, я что-то не так перевел? – подумал Изнов. – Надо запомнить транскрипцию, потом спрошу, хотя бы у старика...» Другая повторяющаяся надпись была: «Читай Кодекс! Знай Кодекс! Исполняй Кодекс! Все в Кодексе, и ничего вне его!» «Да, не лишено любопытства все это, – подумал Изнов, – что же, тем интереснее будет потом разобраться». Третья надпись гласила: «Кто верит – живет!» Четвертая, едва ли понятная, невзирая на краткость: «Экха – миф!» Что такое «экха», Изнов перевести не смог; когда он занимался языком, такого слова ему не попадалось. В Федерации Гра были только синерианские газеты и немного книг, а в них такого слова не встречалось.

Надписи надоели; Изнов поднял глаза еще выше. Зеленоватое небо местами пробивалось сквозь плотный пух облаков. Наверное, в ясные дни смотреть на него бывает так же весело, как на земное, голубое, высокое. Наверное, и под этим небом...

Мысль прервалась. Что-то произошло на улице. Ничто вроде бы не изменилось, но в глазах палача мелькнул откровенный страх. Церемониймейстер сделал шаг назад и оказался рядом с Федоровым, между ним и косой стойкой виселицы, – ухватился за балку, обнял ее, словно ему почему-то трудно сделалось устоять на ногах. Люди на тротуарах – или показались? – зашагали торопливей, а стоявшие начали понемногу отступать, прижимаясь к стенам, отодвигаясь подальше от мест, где проволочная сетка была порвана. Сопровождавшее телегу войско подтянулось, хотя не было никаких команд. Их, впрочем, терране могли и не слышать за свистом и звоном оркестра, который, как бы поперхнувшись на секунду, потом заиграл еще громче, чем до той поры.

Федоров взглянул на церемониймейстера. Капли пота проступили вокруг выкаченных глаз старика, дышал он часто и громко.

– Что случилось? – спросил Федоров по-террански. – Вам плохо?

Синерианин сделал странное кругообразное движение головой.

– Никак, – пробормотал он, – никак. Есть это, ничего, я имел видеть. Ничего, все совершенно ровно. Я призываю доверять. Все очень ровно.

– А это?.. – начал было Федоров и умолк.

Станный звук раздался, перекрывая даже лязг колес и вой оркестра. Высокий, пронзительный, чистый – словно кто-то исполнял простенькую мелодию из трех-четырёх нот на блестящем корнете о трех клапанах. Звук поднимался все выше, и вдруг сразу упал и прекратился – наступила, казалось, тишина, хотя оркестр все играл, пусть не так стройно, а колеса загрохотали даже сильнее: лошади убыстрили шаг.

– Что это было?

– Это ничего не есть, э.

Старик мелко дрожал.

– Я же слышал!

– Я не слышал. Никто не слышал. Ничего. Ничего не есть.

И снова тот же звук раздался. Позади. Ближе.

– Ничего не есть. Ничего. Обманка слухов. Погода, э. Звуки. Дует воздух... ветер, зефир, э? Очень прошены суть закрыть глаз! – Тут церемониймейстер перешел вдруг на синерианский язык, в его частых-частых покашливаниях Федоров так и не смог уловить никакого смысла. Вероятно, то была увертка человека, не желающего ничего объяснять.

Но объяснения были уже, пожалуй, и не нужны. Звук раздался в третий раз, почти рядом, а потом Федоров и Изнов, и не подумавшие, разумеется, закрыть глаза, увидели тех, кто эти звуки издавал.

Они обтекли телегу двумя ручьями. Длинные и приземистые, на кривых лапах, с великолепным мехом – длинным, густым, переливавшимся всеми цветами радуги. Опаловые глаза, перечеркнутые горизонтальной щелью зрачка, скользнули по телеге, по воинам, но копыта были выставлены, хотя солдаты не смотрели на зверей, глаза их на напряженных лицах смотрели прямо, вдоль улицы. Резкий запах, похожий на мускусный, хлестнул по ноздрям терран. Зверей было десятка три, может быть, больше. Палач снова вцепился в Изнова: лошади пошли рысью, они тревожно кричали, крик их напоминал оглушительное кваканье. Воины бежали, не отставая. Но длинные плоские морды радужных зверей уже повернулись к тротуару. Люди там (все же это были люди, черт возьми, хотя и не такие, как мы) стояли безмолвно, неподвижно. Все глаза были подняты вверх, никто не смотрел на зверей, руки – ладонь и кулак – были ритуально сложены. Те, что носили балахоны, высоко подняли жезлы и смотрели на людей, смотрели внимательно. Вдруг, словно была дана команда, все опустили на колени. Звери поравнялись с одним из разрывов в сетке. Высота тротуара не удержала их, мягким, мгновенным прыжком они преодолели препятствие, почему-то пробежали мимо ближайшей малочисленной группы – и набросились на следующую, побольше. Ни один человек не встал с колен, не сделал даже движения в свою защиту. Звери бросались, сбивали наземь, вцеплялись. Раздалось лишь несколько сдавленных криков. Никто не смотрел в ту сторону – только Изнов с Федоровым не могли оторваться, поворачиваясь назад, насколько позволяли оковы. Потом звери снова обогнали их. Они уходили. Терране напрягли мускулы так, что цепи больно врезались в плечи, в бедра. Звери пробежали мимо телеги, человек был перекинут через спину каждого четвероногого, рука или нога человека находилась в пасти зверя. Один-другой еще слабо держались. Красный пунктир отмечал путь стаи. На месте, где стояла группа, осталось четверо или пятеро: один на коленях, словно окаменев, ритуально подняв руки, остальные лежали ничком, без сознания, человек в балахоне стоял чуть поодаль, горизонтально вытянув руку с жезлом. Стая свернула в боковую улицу. Оттуда, словно очищая путь хищникам, выплеснулся поток машин на антигравах; машины были, скорее всего, задержаны там, чтобы пропустить процессию. Миг – и последний хищник исчез за углом.

Изнов повернулся, насколько допустила цепь.

– Что это?

– Почему?.. – начал Федоров одновременно.

Церемониймейстер глубоко вздохнул, приходя в себя.

– Мы сближаем на императорский дворец! – провозгласил он, стараясь, чтобы прозвучало торжественно, чтобы голос не дрожал.

– Что это за звери были? И почему, черт бы взял, никто...

– Какие есть звери? – спросил церемониймейстер. – Никакие звери не есть были. Господин посла и господин советника обсмотрелся. Ничто не было. Ваша Приятная Лучезарность, Ваше Зеленое Свечение обсмотрелся. Видеть – ничто. Слышать – ничто. Э? Да, ни-че-го!

Цепи были унесены, массажисты растерли руки и ноги, и сейчас терране переодевались в специально для того предназначенном покое императорского дворца. Было сыровато, воздух в комнате стоял нежилой – похоже, послов здесь принимали не часто. Изнов с досадой заметил, что руки дрожат – не столько от идиотского маскарада с цепями и виселицей, сколько от нападения хищной стаи на центральном проспекте столицы. И ни единой попытки защититься... Может быть, это тоже относилось к комедии? Или было всерьез?

Свое недоумение Изнов высказал вслух. Федоров, поправляя перед зеркалом белый галстук, откликнулся:

– Навряд ли. Старик, во всяком случае, перепугался всерьез. Вибрировал, как неисправная центрифуга.

– А точнее – что ты всерьез думаешь? – Изнов усмехнулся. – Не становись дипломатом настолько, чтобы скрывать мысли и от своих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.